

ВИЗУАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ О ПРИМАТАХ И ПРИМАТОЛОГИИ КАК ИСТОРИИ О ЧЕМ-ТО БОЛЬШЕМ

Д. В. Михель

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия;
dmitrymikhel@mail.ru

Цель исследования – проанализировать серию визуальных историй, характеризующих культурный опыт восприятия приматов и приматологии в Советском Союзе 1930-х годов и в США в период с 1963 года по настоящее время. Объектом изучения избраны иллюстративные материалы к книге Надежды Ладыгиной-Котс «Дитя шимпанзе и дитя человека» (1935); фото и киноматериалы середины 1930-х годов, изображающие опыты с участием шимпанзе, которые проводились в лаборатории академика Ивана Павлова в Колтушах; фото и видеоматериалы о полевой научной работе Джейн Гудолл в Национальном парке Гомбе в Танзании, представленные в изданиях компании «National Geographic»; цикл кинофильмов о «Планете обезьян», созданных компанией «20th Century Fox» с 1968 по 1973 год. В статье утверждается, что визуальные истории о приматах и приматологии всегда являются историями о чем-то большем, поскольку они являются еще одним типом текста, который разворачивает себя в соответствии с тем, как мы его видим и чувствуем, как переживаем, а также в соответствии с тем, что мы еще знаем о предметах, которые отражаются в этих образах.

В рамках данной статьи обсуждаются следующие вопросы. О чем говорили эти истории своим современникам? О чем они могут сказать нам сегодня? О чем мы можем узнать еще благодаря этим визуализациям? В статье показано, что визуальное повествование, представленное в иллюстрациях к книге Надежды Ладыгиной-Котс, можно рассматривать не только как еще один тип повествования о научной работе, но и как рассказ о частной жизни ученого-женщины, которая превратила ее в поле научного эксперимента. Образы шимпанзе, участвующих в экспериментах ученых лаборатории академика Павлова, представленные в выпусках журнала «Огонек» 1934 и 1935 года и научно-популярном фильме «Роза и Рафаэль», можно воспринимать как фрагмент визуального повествования о величии советской науки и о советском образе жизни. Фото и видеоматериалы о работе Джейн Гудолл в африканском лесу, производство которых поставил на поток «National Geographic», бесспорно, представляют собой повествование о потаенной мечте западной цивилизации о том, как вернуться в первобытный рай, который давно утрачен. Киноэпопея

«Планета обезьян», созданная Артуром Джейкобсом и его командой, – это не что иное, как опыт визуализации застарелых страхов американского общества, озабоченного расовыми конфликтами и неясностью своего будущего. Визуальные истории о приматах и приматологии – это всегда истории о том, что еще можно увидеть по прошествии времени.

Ключевые слова: визуальные истории, приматы, приматология, Надежда Ладыгина-Котс, шимпанзе академика Павлова, Джейн Гудолл, «National Geographic», «Планета обезьян».

VISUAL STORIES ABOUT PRIMATES AND PRIMATOLOGY AS STORIES OF SOMETHING MORE

Dmitry V. Mikhel

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russian Federation
Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Institute of Social Science and Humanities Information
of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
dmitrymikhel@mail.ru

The aim of the study is to analyze a series of visual stories characterizing the cultural experience of perception of primates and primatology in the Soviet Union in the 1930s and in the United States from 1963 to the present. The object of the study is illustrative materials for the book *The Chimpanzee Child and the Human Child* (1935) by Nadezhda Ladygina-Kots; photo and film materials of the mid-1930s depicting experiments with chimpanzees that were conducted in the laboratory of Academician Ivan Pavlov in Koltushy; photos and videos of Jane Goodall's field research work in Gombe National Park, Tanzania, presented in the publications of "National Geographic"; a series of films about the Planet of the Apes created by the 20th Century Fox during 1968–1973. The article argues that visual stories about primates and primatology are always stories about something more because they are another type of text that unfolds according to how we see and feel it, how we experience it, and what we still know about the objects that are reflected in these images. This article discusses the following questions: What did these stories tell their contemporaries about? What can they tell us today? What else can we learn about through these visualizations? The article shows that the visual narrative, presented in the illustrations for the book by Ladygina-Kots, can be considered not only as another type of narrative about research work, but also as a story about the private life of a female scientist, who turned it into a field of scientific experiment. Images

of chimpanzees participating in the experiments of the scientists of Academician Pavlov's laboratory, presented in the issues of the *Ogonyok* magazine of 1934 and 1935 and in the popular science film *Rosa and Rafael*, can be perceived as a fragment of a visual narrative about the greatness of Soviet science and the Soviet way of life. Photos and videos of Jane Goodall's work in the African forest, which were produced by *National Geographic*, are undoubtedly a story about the hidden dream of Western civilization about how to return to the primitive paradise, which has long been lost. The epic film *Planet of the Apes*, created by Arthur Jacobs and his team, is nothing more than an experience of visualizing the long-standing fears of American society preoccupied with racial conflicts and the uncertainty of its future. Visual stories about primates and primatology are always stories about what else can be seen over time.

Keywords: visual stories, primates, primatology, Nadezhda Ladygina-Kots, Academician Pavlov's chimpanzees, Jane Goodall, *National Geographic*, *Planet of the Apes*.

DOI 10.23951/2312-7899-2021-3-116-139

Введение

В визуальной культуре XX века приматы всегда занимали особое место, в особенности на Западе. Предшествующая колонизация тропических стран позволила западным странам воспользоваться их ресурсами, выстроить на этой основе собственные колониальные империи с мощными экономиками. В числе этих природных ресурсов оказались наряду с прочими обитателями тропиков и большие человекообразные обезьяны. В отличие от других приматов шимпанзе, гориллы и орангутанги были значительно реже представлены в зоопарках и цирках, поэтому вплоть до 1930-х годов общественность на Западе имела о них не вполне ясные представления. В коллективном воображаемом, которое в значительной степени создавалось голливудскими кинокомпаниями, большие человекообразные обезьяны часто оказывались не только представителями мира дикой природы, но и существами, символизирующими темную сторону самого человека, пугавшую своей неизвестностью и непредсказуемостью. В них часто видели не столько «братьев наших меньших», сколько опасных соперников, которые, однако, могут стать и друзьями. В них видели также своеобразных стражей природных богатств тропических стран, в первую очередь стран Африки, Индии, островов в экваториальных и тропических водах,

то есть в местах, которые по случаю «достались» британцам, французам и американцам. С наибольшей яркостью эти образы обезьян-соперников и обезьян-защитников были представлены в знаменитом фильме «Кинг Конг» (1933) и в цикле о человеке-обезьяне Тарзане (1932–1948).

Научные исследования мира приматов происходили одновременно с их вхождением в массовую культуру, но поначалу были меньше известны широкой публике. Для ученых большие человекообразные обезьяны были, прежде всего, источником знаний о происхождении человеческого интеллекта и сложных форм социального поведения. Но труд ученых, изучавших приматов, хотя и освещался в тогдашних СМИ, все же был меньше известен широкой общественности. Изменения начались лишь после Первой мировой войны, когда в наиболее развитых странах того времени начали создаваться специальные лаборатории по изучению больших обезьян и обезьяньи питомники. Это привело к быстрому возрастанию общественного внимания к труду ученых, исследующих приматов, а также к появлению особой национальной гордости, вызванной тем, что та или иная страна может позволить себе осуществлять приматологические исследования. Все ведущие мировые державы стремились подчеркнуть свои успехи в этой сфере деятельности и оказывали поддержку своим ученым, которые были готовы работать с приматами.

По-видимому, этот ажиотаж вокруг приматов и приматологии привел к тому, что не только сами приматы, но и связанные с ними истории об ученых и их научной работе породили вокруг себя целую мифологию, или то, что Донна Харауэй назвала «грезами о приматах» [Haraway 1988]. Причем это оказалось характерно не только для западных стран, но и для Советского Союза, где победа коммунистической идеологии привела к принятию целого ряда западных культурных ценностей в обертке марксизма. Признание социальной значимости научных исследований способствовало тому, что приобрели важность также и те научные направления, которые прежде почти отсутствовали. Это касалось и приматологии, которая в СССР делала свои первые шаги практически одновременно с развитием приматологии на Западе.

В рамках предлагаемой ниже статьи планируется рассмотреть некоторые примеры, связанные с той сферой западной и советской культуры, частью которой были визуальные истории о приматах и приматологии как науке. О чем говорили эти истории своим современникам? О чем они могут сказать нам сегодня? О чем мы

можем узнать еще благодаря этим визуализациям, имея в виду, что каждая из таких историй – это всегда история о чем-то еще? Мы рассмотрим лишь некоторые из таких историй, героями которых стали как сами ученые, так и приматы, которых они изучают. Две из них связаны с феноменом советской культуры, тогда как две другие – с американской культурой. Выбор сюжетов оказался в значительной мере предопределен той ролью, которую в XX веке играли Советский Союз и США. В двух историях речь идет о женщинах-приматологах, которым было суждено стать настоящими первопроходцами в своей области, в двух других речь идет о проектах, связанных со стадией «зрелой» науки, а также науки в ее футуристическом состоянии. Во всех случаях речь пойдет не о науке как таковой, а о том, как преломились научные исследования сквозь призму их популярного восприятия.

Иллюстрации из книги Надежды Ладыгиной-Котс: частная жизнь и наука

В 1935 году Государственным Дарвиновским музеем в Москве была издана книга Надежды Николаевны Ладыгиной-Котс (1889–1963) «Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях» [Ладыгина-Котс 1935]. В этой книге развивались отдельные выводы автора, которые впервые были представлены в другой, более ранней работе – «Исследование познавательных способностей шимпанзе» [Ладыгина-Котс 1923]. Однако если более ранняя работа осталась почти незамеченной широкой читательской аудиторией, то «Дитя шимпанзе и дитя человека» нашла своих читателей. Этот увесистый труд объемом почти 800 страниц отличался не только детальнейшими научными описаниями психоэмоциональной жизни представителей двух родственных биологических видов – человека разумного и шимпанзе, но и богатством превосходных иллюстраций – как фотографий, так и рисунков, сделанных рукой автора.

Книга стала результатом более чем двадцатилетних исследований Ладыгиной-Котс, в которых воплотился ее интерес к проблематике недавно возникшей науки – зоопсихологии. По своей структуре книга включала в себя три неравные по размеру части. В первой из них было дано описание поведения малыша шимпанзе с акцентом на внешний облик, эмоции, инстинкты, игры и иные формы поведения, включая подражание и «условный язык» (жесты и зву-

ки), во второй – описание поведения человеческого ребенка, причем преимущественно в сравнении с выделенными ранее тематическими блоками. Третья часть, наименее объемная по содержанию, была посвящена анализу сходств и различий в поведении шимпанзе и ребенка.

Несмотря на строго научный характер издания, книга имела во многом биографический характер. Присутствующие в ней авторские оговорки и представленные фотографии сообщали об индивидуальных особенностях осуществленного научного предприятия, и всякий читатель мог видеть, что почти все исследование было проведено в условиях городской московской квартиры, то есть в условиях, в которых проживали и сами читатели этой книги. Особенно привлекательными были те изображения, на которых присутствовала сама Ладыгина-Котс в разные годы проведения этого исследования в окружении практически одних и тех же предметов домашней обстановки – на диванчике, рядом с детской кроваткой, на ковре в детской комнате и т. д.

Но все же главными объектами изображений в книге стали животное и человек. Молодой шимпанзе Иони был предметом наблюдений Ладыгиной-Котс в период с 1913 по 1916 год. Человеческий ребенок – сын Ладыгиной и ее мужа Александра Федоровича Котса (1880–1864) Руди – был под ее наблюдением с 1925 по 1929 год, от момента рождения и до четырехлетнего возраста. Идея наблюдать за поведением шимпанзе родилась спонтанно. Ладыгина-Котс и ее супруг жили в своей квартире, расположенной на территории Дарвиновского музея, директором которого был Александр Котс. В 1913 году Ладыгина-Котс купила молодого самца шимпанзе на деньги, которые были подарены ей другом семьи Филиппом Евтихевичем Федуловым (1881–1961), работавшим таксидермистом в музее. Муж Ладыгиной искренне поддержал ее план изучать шимпанзе в домашних условиях. Надежда Николаевна и Александр Федорович были страстно увлечены биологией и поэтому тратили все свои деньги на покупку различных экспонатов для своего музея. Однако если до сих пор средства уходили в основном на приобретение чучел животных, то теперь они уходили на содержание живого шимпанзе. Ради изучения поведения Иони квартира супругов Котс была превращена в первую в Москве зоопсихологическую лабораторию. Шимпанзе прожил у них три года, после чего умер. Обеспечить животное привычной для него пищей в условиях военных лет было совсем не просто. Таким образом, читатели книги с уверенностью могли судить о том, что этот трехлетний

эксперимент потребовал от Надежды Николаевны и ее супруга огромного напряжения сил.

В начале 1920-х гг. Ладыгина-Котс стала проводить свои исследования с другими животными в московском зоопарке, но не забыла своего научного интереса к поведению человекообразных обезьян. После рождения Руди она решила придать своим прежним исследованиям новый аспект, перенеся их в плоскость сравнительной психологии. Особый акцент делался на обнаружении сходств и различий в области познавательных способностей. Ладыгина-Котс день и ночь делала многочисленные зарисовки, вела дневниковые записи, разрабатывала оригинальные экспериментальные методики. В конечном итоге она пришла к выводу: интеллект шимпанзе не превышает уровня двухлетнего ребенка.

Публикация книги в качестве издания Дарвиновского музея свидетельствовала о том, что работа Ладыгиной-Котс еще не получила полного признания научного сообщества в СССР. В выполненном ею исследовании угадывались признаки некоей доморощенной науки, которая не дотягивала до уровня серьезного академического исследования. Чтобы добиться более полного признания своих идей, Ладыгиной-Котс в последующем пришлось несколько трансформировать тематику своих исследований и наполнить их не только дарвиновскими идеями, но и идеями Фридриха Энгельса. В книге 1935 года сравнение человеческого ребенка и шимпанзе в основном опиралось на развлекательно-игровой материал, при этом крайне немного внимания было уделено проблеме употребления орудий у шимпанзе. Но уже в публикациях последующих двадцати лет тема орудийно-производительной деятельности вышла на первый план [Ладыгина-Котс 1958, 152–179; Ладыгина-Котс 1959]. Тезис Энгельса о труде, сделавшем из обезьяны человека, прочно вошел в ее дискурс, позволив преобразовать науку со значительным элементом дамского любопытства в официально признанный тип исследований. Обсуждая теперь проблему употребления орудий, Ладыгина-Котс вновь подтвердила свои прежние выводы: психика приматов серьезно отличается от психики людей, хотя между ними и существует много общего.

Возвращаясь по прошествии многих лет к книге «Дитя шимпанзе и дитя человека», мы можем признать, что это не только добросовестный научный отчет о проведенном многолетнем исследовании, но и потрясающая история о начинающем приматологе-женщине, делавшей первые шаги на почве научной работы. К тому же это история, в которой был визуализирован опыт того, как можно было

заниматься наукой в весьма стесненных условиях – для этого нужно было сделать предметом анализа и объяснения и свою частную жизнь. Кроме того, это история о советском опыте частной жизни, который для наиболее одержимых энтузиастов науки оказывался совместим с опытом исследовательской работы. Наличием частной жизни в эти годы могли воспользоваться далеко не все советские люди, но тот факт, что она как таковая существовала, успешно осмыслен исследователями частного быта советской эпохи [Утехин 2004]. Супруга директора Дарвиновского музея даже в самые непростые времена существования советского государства имела возможность для творческой и научной самореализации. В итоге это привело ее в мир официальной советской науки, где зоопсихолог и приматолог Ладыгина-Котс могла также состояться как признанный специалист, имеющий солидный опыт изучения больших человекообразных обезьян в условиях крупного города.

Шимпанзе академика Павлова: истории о советском образе жизни

20 октября 1934 года вышел в свет очередной номер «Огонька» – одного из самых массовых и любимых советскими людьми журналов. На последней странице его обложки был изображен во всей красе шимпанзе Рафаэль – одна из двух обезьян, купленных во Франции, с которыми работали И. П. Павлов и его коллеги в Колтушах. Так огромная читательская аудитория в Советском Союзе получила шанс с помощью фотографии заглянуть в сокровенный мир одной из самых известных научных лабораторий мира, где, как было широко известно, исследовалась высшая нервная деятельность человека. Еще через год «Огонек» вновь представил вниманию читателей приматов Павловской лаборатории – Розу и Рафаэля – в сопровождении сотрудника лаборатории Петра Денисова [Огонек 1935]. Этот номер содержал в себе отклик об итогах проведения XV Международного конгресса физиологов, состоявшегося в Ленинграде. Тем самым «Огонек» адресовал многомиллионной аудитории сообщение, что в Советском Союзе наряду с освоением Арктики, воздушного пространства и земных недр проводятся научные исследования животных, чья природа наиболее близка к человеческой. Иначе говоря, в стране ведутся продвинутые научные разработки, которые может себе позволить только великая держава, способная конкурировать с другими научными державами.

В 1935 году в СССР вышел фильм «Роза и Рафаэль», в котором широкой аудитории были представлены наиболее интересные опыты с участием обезьян, которые проводились в лаборатории Павлова. Самые запоминающиеся в нем эпизоды – о том, как Рафаэль прыгает с помощью шеста с плота на деревянные мостки, где для него припасено лакомство, а также как он с помощью кружки с водой тушит специально разведенный огонь, чтобы достать спрятанную учеными пищу. Созданный фильм имел большую популярность. То, что видели в нем кинозрители, возможно, вызывало у них самые странные чувства. Но подчеркнута спокойный закадровый голос диктора ставил все на свои места. Утверждалось, что шимпанзе Рафаэль лишь выполняет команды, а также подражает людям, не будучи способным самостоятельно принимать сложные решения. Диктор подчеркивал, что обезьяна часто «отвлекается», прежде чем вернуться к реализации своих планов. Правда, иногда Рафаэль проявляет такую сообразительность, что даже не верится, что он не способен рационально мыслить. Предупреждая возможность такого вывода со стороны зрителей, диктор использует выражение «догадка». Главное утверждение фильма состояло в том, что шимпанзе решал сложные задачи, но лишь «под направляющим, руководящим воздействием человека» [Знаменитые опыты 2015].

О чем думали те советские люди, которые видели этот фильм? Об этом теперь можно только гадать. По-видимому, они от души смеялись, поскольку видели забавную и сообразительную обезьяну, такую же, как и те, что можно было увидеть в цирке или зоопарке. Возможно, они также испытывали чувство заслуженной гордости за свою страну, видя, как ее наиболее замечательные представители – ученые – способны научить шимпанзе Рафаэля делать то, что под силу лишь взрослому и разумному человеку. Может быть, они также шутили вслух, говоря, что советские ученые могут научить даже обезьяну быть человеком, поэтому советская наука как таковая, несомненно, сможет помочь остальным советским людям жить лучше и более рационально. В любом случае такие мысли легко могли приходиться им в голову, не зависимо от того, что говорилось диктором, поскольку именно такие мысли приходят в голову и тем, кто смотрит фрагмент этого старого научно-популярного советского фильма, представленного теперь в Интернете, свидетельство это – отклики его современных зрителей.

О чем еще свидетельствовали эти визуальные материалы? Прежде всего, об огромном престиже советской науки. Факт, что ака-

демик Павлов и его талантливые ученики проводили в Колтушах столь сложные и столь важные для науки исследования с участием шимпанзе, значил, прежде всего, что речь идет о чем-то важном для всего советского общества. Имя академика Ивана Петровича Павлова в 1930-е годы было известно каждому советскому человеку. Бесспорно, он был иконой советской науки и любимцем советских людей предвоенной эпохи. Любимцами были и его шимпанзе, которые были известны благодаря фотографиям в «Огоньке» и фильму 1935 года. Отражением этой любви к павловским обезьянам стала беспримерная по своему героизму операция по эвакуации Рафаэля в декабре 1941 года из блокадного Ленинграда по льду Ладожского озера [Клин 2019].

Но, по-видимому, многое для советской зрительской аудитории оставалось за кадром. Скорее всего, мало кому был известен тот факт, что опыты в лаборатории Павлова ставили своей задачей понять природные истоки человеческого интеллекта, то есть его обезьяньи начала. Для все более и более атеистического советского общества родство человека с большими человекообразными обезьянами уже не было неожиданностью, хотя это и требовало дополнительного научного обоснования. Между тем именно в данной проблемной области почти все было неясно. Приобрел ли человек свой разум от других обезьян в ходе своей эволюции или разум был сформирован самим человеком в ходе его трудовой деятельности? И если изучаемые в лаборатории Павлова приматы берут в руки палки и кружки с водой, чтобы добыть себе пищу или потушить огонь, можно ли считать, что они трудятся? Или труд является исключительно достоянием человека разумного?

В эти научные рассуждения были вовлечены большие группы ученых по всему миру. В Германии этими вопросами занимался Вольфганг Кёлер (1887–1967) и его группа, в США – Роберт Йеркс (1876–1956) со своей командой. Советские ученые в 1930-е годы считали их своими главными оппонентами и соперниками в борьбе за научную истину. Одна из работ Кёлера была переведена на русский язык [Кёлер 1930], что свидетельствовало о большом внимании в СССР к его научной работе. Труды Йеркса не переводились, но внимательно изучались. Надежда Ладыгина-Котс со всей серьезностью анализировала их научные выводы и пыталась проверить их в ходе собственных исследований. Той же дорогой шли сотрудники лаборатории Павлова.

Когда Павлов поручил трем сотрудникам своей лаборатории – П. К. Денисову, Э. Г. Вацуру и М. П. Штодину – проверить опыты

Кёлера, а затем провести собственные оригинальные эксперименты, его представления о поведении человекообразных обезьян сильно изменились. На своих семинарах, которые вошли в историю как «Павловские среды», он высказал предположение о существовании у шимпанзе сложной формы мозговой деятельности, отличающейся от остальных животных. На семинаре от 13 ноября 1935 года Павлов говорил, что в ходе проводимых его коллегами опытов можно наблюдать у обезьян «случаи образования знания, улавливания нормальной связи вещей». Он называл это «зачатками конкретного мышления, которым мы орудуем» [Павловские среды 1949, 17]. «Когда обезьяна строит вышку, чтобы достать плод, это условным рефлексом не назовешь». Анализируя поведение обезьян, Павлов замечал, что «когда обезьяна пробует и то, и другое, это и есть мышление в действии, которое вы видите собственными глазами» [Павловские среды 1949, 430].

После смерти Павлова в 1936 году работу в Колтушах возглавил его ученик Леон Абгарович Орбели (1882–1958). С этого момента вновь восторжествовала концепция условных рефлексов, а мысли Павлова об обезьяньем «мышлении в действии» были отброшены. Первый серьезный отчет об итогах работы с приматами Павловской лаборатории был дан лишь в 1948 году, когда Советский Союз вступил в эпоху «холодной войны» и любой положительный отзыв о западной науке был невозможен [Кременцов 2003]. Этот отчет был представлен в научной монографии одного из сотрудников лаборатории Эразма Григорьевича Вацуро (1907–1967), вышедшей под редакцией академика Орбели. Эта книга состояла из двух частей, в одной из которых шла изложение собственных опытов, построенных на основе единого учения Павлова и Орбели, а в другой развернутая критика концепции Кёлера, которая была представлена как идеалистическая и ошибочная [Вацуро 1948].

Почти в то же самое время вышли еще две книги, имеющие огромное значение для развития знаний о поведении приматов. Обе они были написаны советскими зоопсихологами. Автором одной из них был Николай Юрьевич Войтонис (1887–1946) – ученик родоначальника российской зоопсихологии Владимира Александровича Вагнера (1849–1934). В период с 1934 по 1942 год он возглавлял Лабораторию сравнительной психологии в Сухумском приматологическом центре, где в течение пяти лет (1935–1939) вместе с группой младших коллег изучал поведение низших обезьян. Публикация его книги была подготовлена его учениками Г. З. Рогинским, Н. А. Тих и М. Ф. Нестурхом при активном участии

Ладыгиной-Котс [Войтонис 1949]. Упомянув несколько раз об исследованиях Кёлера, Войтонис в своей работе сосредотачивает все внимание на своих собственных опытах. Особое внимание он уделяет обсуждению «ориентировочно-исследовательской» деятельности у обезьян, стадным отношениям среди них, а также проблеме пользования предметами как «орудиями». Термин «орудие» в его тексте редакторам пришлось не только взять в кавычки, но еще и специально комментировать [Войтонис 1949, 157], чтобы защитить автора от возможных упреков в следовании западным подходам в зоопсихологии. Для Войтониса использование обезьянами орудий стало свидетельством высокого уровня развития их интеллекта, способного улавливать связи между вещами [Войтонис 1949, 159]. При этом речь шла о возможности «орудийной деятельности» именно в условиях лабораторного эксперимента, когда присутствие человека побуждало обезьян научиться новым, неизвестным для них видам манипуляций.

Автором другой книги был Гирша Залманович Рогинский (1903–1957), опубликовавший свою работу при поддержке кафедры психологии Ленинградского университета [Рогинский 1948]. Будучи более скромной по содержанию, чем работа Войтониса, книга Рогинского содержала в себе подробный обзор идей западных авторов, а в ее библиографических примечаниях значилось 141 издание на английском, немецком и французском языках. Одним из личных открытий Рогинского было обнаружение «избирательных реакций» у обезьян, для которых было свойственно в зависимости от обстоятельств предпочитать то одни предметы, то другие [Рогинский 1948, 149–161]. Проверая идеи Кёлера и Йеркса, Рогинский, как и другие советские ученые, подвергал их критике. Особое внимание он уделял выводу о том, что именно трудовая деятельность обусловила специфику человеческой психики, ее отличие от психики приматов, обусловленной биологическими факторами.

Итак, за кадром визуальных историй о шимпанзе академика Павлова оставалась большая и кропотливая научная работа со всеми ее сомнениями, переживаниями и попытками проложить дорогу своим идеям в контексте большой политики. В 1930-е годы советский народ не только ощущал свою принадлежность к великому строительству нового образа жизни, но и остро чувствовал растущее осложнение международной обстановки, которая способствовала превращению всей страны в «осажденный лагерь». В 1941 году эти предчувствия в полной мере сбылись, побуждая советских людей к защите Родины и всему, что связано с ее величием и успехами.

Для советских ученых – больших и малых – все это тоже не было пустым звуком. Именно это побуждало скромных служителей Павловской лаборатории эвакуировать шимпанзе Рафаэля декабрьской ночью того страшного года из осажденного Ленинграда. В 1948 году, когда Советский Союз вступил в очередной виток противостояния с Западом и началась Холодная война, советские приматологи тоже каждый по-своему чувствовали свое моральное обязательство отстаивать правоту советской науки, продолжая вести полемику с хорошо им известными западными научными авторитетами в этой области. Поэтому не будет сильным преувеличением сказать, что визуальные истории о шимпанзе академика Павлова были также историями о советском образе жизни и о величии советской науки, которая является его составной частью.

Икона по имени Джейн Гудолл: история о потаенной мечте

В декабре 1965 года очередной номер журнала «National Geographic» вышел с обложкой, на которой красовалась необычная цветная фотография: на переднем плане расположилась группа диких шимпанзе, а на заднем плане, в непосредственной близости от них, – молодая светловолосая девушка в рубашке и шортах, сидящая на траве и что-то записывающая в свой блокнот. Один из вынесенных на обложку заголовков гласил: «Новые открытия о шимпанзе из Африки». Композиционно этот заголовок был отделен от прочих заголовков выпуска, что, очевидно, было призвано свидетельствовать об исключительной важности этого материала. Более мелким шрифтом были названы его авторы: баронесса Джейн Ван Лавик Гудолл и барон Гуго Ван Лавик. Почти по самой нижней кромке обложки пролегла яркая красная полоса, направленная немного под углом, и на ней белыми буквами сообщалось: «Смотрите 22 декабря, в пятницу, на канале CBS TV фильм «Мисс Гудолл и дикие шимпанзе». Раскрыв журнал и еще раз обратившись к его оглавлению, можно было прочитать: «Посвятив четыре года своим пионерским исследованиям больших обезьян в национальном парке Гомбе в Танзании, Джейн Гудолл сообщает о своих наблюдениях – и о своем браке в 1964 году с фотографом Гуго Ван Лавиком» [Van Lawick-Goodall, Van Lawick 1965].

Этот выпуск журнала не был первым выпуском «National Geographic», в котором сообщалось о полевых исследованиях Джейн

Гудолл (род. 1934). Впервые журнал сообщил о ней в августе 1963 года в статье «Моя жизнь среди диких шимпанзе» [Goodall, Van Lawick 1963]. Но в августовском выпуске 1963 года Гудолл еще не была «девушкой с обложки». Почетное место на обложке и статус иконы официального иллюстрированного издания Американского географического общества она получила лишь в конце 1965 года. Но и публикация 1963 года была подана читателям как откровение. В ней содержались сведения о последних научных данных о мире больших обезьян, полученные с самого переднего края науки – из африканских джунглей. Они были снабжены фотографиями, сделанными фоторепортером журнала бароном Гуго Ван Лавиком, который специально прибыл в национальный парк Гомбе, чтобы сделать Гудолл и ее шимпанзе героями визуальной истории, затеянной этим авторитетным американским изданием.

Особую роль в том, чтобы эта история вообще стала возможной, сыграл знаменитый палеоантрополог Луис Лики – «духовный отец» Гудолл, составивший ей протекцию в Африке и пославший ее изучать шимпанзе в Танзанию. Чтобы голос Гудолл и передаваемая ей информация получили более-менее приемлемый вес в научных кругах, Лики также организовал получение ею докторской степени в Кембриджском университете в 1962 году. Именно по рекомендации Лики «National Geographic» профинансировал длительную экспедицию Гудолл в парк Гомбе, и именно по его рекомендации туда же в том же году прибыл Ван Лавик, чтобы создать серию фоторепортажей о работе молодой исследовательницы [Gerber 2017].

Фотоматериалы в выпуске 1963 года были достойны всякого восхищения. Более двух десятков качественных фотографий. На большинстве из них были изображены шимпанзе – группами и по одиночке. Многие снимки соотносились с необычными данными, которые излагала Гудолл в своей статье. Несколько фотографий о том, как шимпанзе добывают термитов с помощью прутиков. Причем, как указывалось в статье, эти прутики были изготовлены ими самостоятельно. То есть речь шла об орудийной деятельности, в отношении которой у других приматологов не было полной ясности вплоть до выхода в свет этого материала. На ряде других фотографий были представлены сцены, изображающие предприимчивость шимпанзе, их любопытство и готовность идти на контакт с людьми: шимпанзе похищают полотенца и бананы из палатки Гудолл, обкрадывают ее африканских помощников, жуют тряпки из багажа исследовательницы. Но особенно очаровательны фотографии, где изображены шимпанзе, берущие из рук Гудолл угощения. Таковыми,

в частности, были изображения с Джейн и Дэвидом Седобородым – самым шимпанзе, который первым пошел на доверительный контакт с Гудолл.

В том же выпуске «National Geographic» были и другие достойные читательского внимания фотографии – шимпанзе, исполняющие «танец дождя», или, как указывалось в журнале, «ритуал насилия», когда во время сильного ливня обезьяны начинали выходить из себя, ломать деревца и бросаться ветками; шимпанзе, ходящие на задних лапах, совсем как люди; шимпанзе, дрожащие от холода и переживающие дождь в гнездах; шимпанзе, совместно участвующие в трапезе – жевании картонной коробки. К сожалению, не вполне отчетливым вышло изображение с шимпанзе, который занят охотой, – фотография была сделана самой Гудолл с огромного расстояния. В тексте же статьи она сообщает, что часто наблюдала, как взрослые шимпанзе группами охотятся на других обезьян, обычно красных гверец (колобусов), стряхивая их с деревьев и убивая. Впоследствии эти ее наблюдения будут подтверждены вновь и будут предоставлены более качественные фото и видеоматериалы.

Наконец, в выпуске 1963 года были представлены и фотографии самой Джейн Гудолл, без обезьян. Часть из них, как потом она признавалась, были постановочными. Как она сидит на камне и смотрит в бинокль, как наблюдает за шимпанзе из высокой травы, как потчует сиропом от кашля местных детей, и даже как моет голову в ручье. Все эти снимки были сделаны Ван Лавиком, ее будущим мужем. Многие годы спустя, вспоминая о фотографии с мытьем головы, Гудолл говорила, что не могла понять, зачем редакции понадобились эти свидетельства о ее повседневной жизни в африканском лесу. Однако, признавала она, журналу важно было представить своим читателям не просто отчет о работе ученого-приматолога, но некую сказку [Gerber 2017].

О чем эта сказка? О белой девушке, живущей в диком лесу среди животных, изучающей шимпанзе и добившейся успеха, которого не смогли добиться многие мужчины-ученые. Но, очевидно, это еще не вся сказка. Она также о трудолюбии и бесстрашии, о преданности своему делу, а также об открытии новой вселенной, которая была где-то рядом, но о которой никто – из жителей западной цивилизации – ничего не знает. Почти сказочная история о красавице и ее милых чудовищах. О «мисс Гудолл и ее диких шимпанзе». Именно так будет называться фильм, который «National Geographic» покажет 22 декабря 1965 года. В США и Канаде, где он транслиро-

вался, его посмотрели 25 миллионов телезрителей. Огромное число даже по сегодняшним меркам. Благодаря этому телепоказу Джейн Гудолл пришла почти в каждый восьмой североамериканский дом, став своей вместе с ее приматами.

Очевидно, надо также сказать о том, что западное общество нуждалось в новых героях. Особенно в женщинах. 12 апреля 1961 года гражданин СССР Юрий Гагарин совершил свой полет в космос. За год до него, 23 января 1960 года, швейцарский ученый-океанолог Жак Пикар и лейтенант ВМС США Дон Уолш на батискафе «Триест» погрузились на дно Марианской впадины. Космические высоты и океанские глубины первыми покоряли мужчины, а женщины, если такое вообще случалось, шли позади. Джейн Гудолл, бывшая продавщица из Лондона, в сущности Золушка, первой покорила африканские джунгли, наладив контакт с их истинно коренными жителями – дикими шимпанзе. Похоже, история в «National Geographic» была прежде всего об этом.

Нельзя не сказать, что концерну чрезвычайно повезло с Гудолл. Она стала его счастливой звездой. Исследовательница шимпанзе задержалась в парке Гомбе на целых шестьдесят лет, покидая его лишь для того, чтобы принять участие в крупных научных мероприятиях и публичных лекциях, которые с того времени она стала читать по всему миру. «National Geographic» за эти годы сделал с ней еще около дюжины фильмов, не отказывая и другим крупным телекомпаниям – британским, германским, американским, которые были в праве делать собственные репортажи о Гудолл.

В 1995 году к тридцатилетию выхода в свет первого фильма о Гудолл и ее шимпанзе «National Geographic» посвятил ей свой очередной выпуск, собрав фотоматериалы разных лет и снабдив их комментариями [Nichols 1995]. В 2010 году к пятидесятилетию пребывания Гудолл в Гомбе канал выпустил фильм «Джейн Гудолл: история» [Jane Goodall 2010]. В 2017 году, предвосхищая приближавшийся шестидесятилетний юбилей африканской истории Гудолл, выпустили фильм «Джейн» [Jane Goodall 2017; Greshko 2017]. В 2020 году концерн не отказал себе в удовольствии снять еще один фильм – «Джейн Гудолл: надежда» [Джейн Гудолл 2020]. К неопишуемому восторгу «National Geographic» и друзей Гудолл по всему миру эта чудесная сказка все еще продолжается. И она становится тем более трогательной и чудесной по мере того, как в очередных репортажах о работе исследовательницы перемешиваются кадры старой хроники и более поздние образы. Молодая Джейн в шортах с биноклем. Пожилая Джейн в брюках с биноклем и в том же лесу

[Karbo 2019]. Это не может не восхищать все новые поколения поклонников этой визуальной истории, создаваемой «National Geographic».

За время, пока Джейн Гудолл оставалась в своем африканском лесу, мир изменился. Пала колониальная система. Рухнул Советский Союз. Появился Интернет. Пришли СПИД, SARS, COVID-19 и другие грозные эпидемии. Численность населения Земли выросла более чем вдвое. И только все та же Джейн остается в своем волшебном африканском лесу со своими шимпанзе, многие из которых известны телезрителям ее фильмов по именам – Дэвид Седобородый, Майк, Лики, мамаша Фло, ее отпрыски – Флинт, Фло, Фифи. Впрочем, никого из перечисленных здесь шимпанзе уже давно нет в живых. Долше всех прожили Флинт, чье рождение Гудолл наблюдала еще в первый год своего пребывания в Гомбе, и Фифи – самая многодетная из шимпанзе-матерей в Гомбе. Отрываться от просмотра этой чудесной истории совершенно не хочется. Ведь в ней речь идет, возможно, о самой потаенной мечте западной цивилизации – вернуться к своим истокам и к своим самым близким родственникам в мире дикой природы.

«Планета обезьян»: история о расовых конфликтах в Америке

В 1963 году во Франции вышел роман Пьера Буля (1912–1994) «Планета обезьян», который был отнесен критиками к жанру сатиры. В нем шла речь о космическом путешествии группы ученых, состоявшемся в далеком будущем. Во время путешествия им было суждено попасть на далекую планету Сорора (сестра), где род человеческий совершенно деградировал, а власть захватили жестокие обезьяны. Главный герой романа, журналист Улисс Меру, проходит через невероятные испытания, но в конечном итоге с помощью пары ученых-обезьян, Зиры и Корнелия, возвращается на свой космический корабль и вместе с новообретенной женой-дикаркой и сыном возвращается на Землю, на которой с момента его отбытия в космос прошло восемь веков. К своему ужасу они обнаруживают, что в парижском аэропорту их встречает пара горилл в военной форме. По необъяснимой причине цивилизация людей на Земле закончилась, уступив место цивилизации обезьян, как это произошло и на Сороре. Что стало причиной этого, автор романа предпочел оставить без объяснения. Возможно, это была ядерная война.

В своем романе Буль вслед за другими писателями XX века сделал очередное предостережение о том, что этот хрупкий мир на планете людей следует беречь, чтобы в будущем не сожалеть о его гибели [Буль 2017].

Оригинальная идея Буля в самом скором времени нашла развитие в Голливуде. Продюсер Артур Джейкобс (1922–1973) сумел уговорить телекомпанию «Двадцатый век Фокс» разрешить ему экранизировать эту историю. Получив поддержку, он привлек к своему проекту режиссера Франклина Шеффнера (1920–1989), вместе с которым сумел придать «Планете обезьян» новую глубину и направленность. Когда в 1968 году в прокат вышел первый фильм из задуманной пятисерийной киноэпопеи, это вызвало настоящее потрясение среди телезрителей. Особенно впечатляюще выглядели те сцены, где главный герой фильма Шеффнера – исследователь-космонавт Тейлор – попадает на планету, где жалкие группки людей-дикарей становятся добычей цивилизованных приматов – горилл, шимпанзе и орангутангов, которые охотятся на них верхом на лошадях и набрасывают сети, поступая точно так же, как всего лишь пару веков назад вели себя белые охотники в Африке, отлавливая диких животных и местных жителей. До самых последних кадров этого пронзительного кинофильма остается неясным, где происходят эти события. Но когда в самом финале, совершив бегство на звездолете из этого перевернувшегося с ног на голову мира, Тейлор попадает на родную Землю, то почти первое, что он там видит, – это погребенная морским песком статуя Свободы, символ американской цивилизации и благополучия всего западного общества. Планета, на которую он вернулся, и была планетой обезьян, но в ее постапокалиптическом будущем.

Поверженная статуя Свободы – один из самых распространенных визуальных штампов в американском кинематографе. Повествуя о гибели мира, создатели многочисленных фильмов о конце света предъявляли своим зрителям много разных вариантов его крушения – взрыв, затопление, погребение слоем льда. В этом смысле история о конце света и гибели человеческой цивилизации, созданная тандемом Джейкобс–Шеффнер, заняла всего лишь очередное место в ряду фильмов-катастроф, произведенных Голливудом, – не первое и не последнее. Между тем общий замысел Джейкобса стал более ясен в других фильмах его эпопеи. В сотрудничестве с другими режиссерами ему удалось также выпустить в свет «Под планетой обезьян» (1970), «Бегство с планеты обезьян» (1971), «Завоевание планеты обезьян» (1972) и «Битву за планету обезьян» (1973). В каждом

из новых фильмов зрителям был представлен очередной сюжет, тематически связанный с самым первым фильмом, но несущий в себе заряд остро социальных проблем, понятных американской киноаудитории рубежа 1960–1970 годов.

«Под планетой обезьян» (режиссер Тед Пост, 1918–2013) – это история о том, как в развалинах нью-йоркского метрополитена выживают полностью деградировавшие люди-мутанты, исповедующие веру в «грязную бомбу», способную уничтожить все живое. Правящая на поверхности планеты цивилизация обезьян бросает все свои вооруженные силы на их подавление, но в самый последний момент смертельно раненный капитан Тейлор, выживший после первого путешествия и попавший в бывший Нью-Йорк в разгар этих событий, взрывает бомбу. В финале фильма голос за кадром сообщает о том, что планеты Земля во Вселенной больше не существует. Финал – еще более трагический, чем в конце первого фильма, но драматизм фильма обусловлен не только финалом. Кажется, что еще более тревожные чувства вызывает практически не прекращающаяся череда сцен насилия, в ходе которых сплоченные отряды обезьян-бойцов крушат на своем пути все следы прежней человеческой цивилизации. Учитывая тот факт, что фильм был создан почти сразу же по следам яростных расовых столкновений в американских городах, с легкостью напрашивается аналогия между конфликтами, разыгранными в фильме между людьми и приматами, и реальными расовыми конфликтами той эпохи. Тот факт, что всех главных героев-людей в этом фильме играют белые американские актеры, еще более усиливает это ощущение.

Менее выпукло эта тема подана в фильме «Бегство с планеты обезьян» (режиссер Дон Тэйлор, 1920–1998), в котором обыгрывается сюжет с появлением на Земле трех обезьян-астронавтов, прибывших на планету людей с планеты обезьян. Их обескураживающий контакт сопровождается в дальнейшем превращением обезьян-ученых в объекты научных экспериментов в человеческой лаборатории. Несмотря на всю свою разумность, обезьяны испытывают на себе все ужасы притеснения со стороны человечества. Бесспорно, тема жестоких опытов на животных в этом фильме киноэпопеи оказалась представлена ярче всего. Но расовая проблематика присутствовала и в этом фильме: в нем нашла отражение тема судьбы расовых чужаков в чужой им стране.

Наиболее зрелищно расовые проблемы Америки оказались представлены в четвертом и пятом фильмах, режиссером которых стал Джей Ли Томпсон (1914–2002). В «Завоевании планеты обе-

зьян» изображена Америка завтрашнего дня, где люди смогли обратить обезьян в своих слуг, но появление там Цезаря – потомка обезьян-ученых из первого и третьего фильмов – привело к резкому изменению ситуации. Покорные обезьяны-рабы восстали, ниспровергнув власть прежних господ. Особенно впечатляющими оказались сцены уличных столкновений толп протестующих обезьян с полицией, на которых было показано, как бунтари подавляют сопротивление полиции с помощью жесткой тактики уличной борьбы. Сцены уличных битв и погромов представлены в изобилии, вследствие чего у зрителя едва ли остались сомнения, что речь идет не столько о будущем, сколько о настоящем Америки. В «Битве за планету обезьян» сюжетная линия почти уже не имеет никакого значения, и на первый план в полной мере выходит визуальный ряд. Это бесконечные сцены вооруженных столкновений между людьми и обезьянами, которые к этому моменту захватили почти всю власть над Землей. Примечательно, что сражения разворачиваются не только в городе, но и в горно-пустынной местности, и обе стороны используют все более разрушительное оружие, в том числе артиллерию. В самой концовке фильма проводится мысль, что обе враждующие стороны, столкнувшись с грузом неразрешимых проблем, должны найти взаимно приемлемое решение и начать жить в мире друг с другом на общей Земле.

Очевидно, что именно такой финал был откликом на драматические события американской политической истории этих лет и кризис, вызванный войной во Вьетнаме. Впрочем, финальные сцены фильма все же могли вызвать у зрителей и другие мысли, в том числе о том, что компромисс между двумя сторонами временный и в будущем все разгорится вновь. Анализируя созданную Джейкобсом и его партнерами пятисерийную киноэпопею, Эрик Грин замечает, что вся она – о расовой политике в США в эти годы. «То, что выглядело как довольно общий комментарий к проблеме расовых отношений в Соединенных Штатах в первых двух фильмах, в последних трех предстало как безотлагательное обращение к проблеме кризиса в расовой динамике власти» [Green 1996, 1].

Голливудские авторы неоднократно пытались переосмыслить историю «Планеты обезьян», но очередного обращения к теме пришлось ждать еще несколько десятилетий. В 2001 году вышел ремейк «Планеты обезьян» с одноименным названием режиссера Тима Бёртона (род. 1958). Зрелищный фильм, в котором использовались многочисленные спецэффекты, был богат в плане визуального ряда, но совершенно выхолощен в идеологическом смысле. Тема

расовых столкновений из соображений политкорректности была совершенно вымарана, и ее место заняла беспощадная борьба за справедливость между людьми и грозными обезьянами. Та же ситуация повторилась и в трех фильмах франшизы, вышедших под названиями: «Восстание планеты обезьян» (2011), «Планета обезьян: революция» (2014), «Планета обезьян: война» (2017). Продюсеры новой трехсерийной эпопеи – Питер Чернин, Дилан Кларк, Рик Джаффа и Аманда Сильвер – постарались перевести весь сюжет в формат постапокалиптических откровений о том, как может строиться жизнь на Земле, где человек более не является главным разумным видом. Наибольшее внимание было уделено идее о том, что среди обезьян вспыхнут такие же разногласия, которые прежде имели место среди людей. В фильме был сделан акцент на том, что борьба за власть, стремление к справедливости и любовь могут быть не только достоянием человека. В сущности, никакой идеологической связи с киноэпопеей Артура Джейкобса и его команды фильмы франшизы, вышедшие в XXI веке, уже не имеют. То, о чем они говорят зрителю языком своих образов, можно свести к банальной формуле: мир на Земле лучше не станет. Люди и обезьяны «поздней» «Планеты обезьян» – это запутавшиеся в своих мыслях и чувствах существа, значительно более далекие от реалий американской жизни, чем их предшественники из киноэпопеи Джейкобса. Облик ученого-приматолога во всех этих историях практически полностью исчезает. На смену ему приходит образ человека, страшащегося встречи со своим обезьяньим подобием.

Заключение

Визуальные истории о приматах и приматологии всегда являются историями о чем-то большем. Образы, которые сопровождают связанный с ними текст, всегда способны поведать о чем-то еще, что находится по ту сторону текста. Они и сами, конечно, являются текстом, хотя и совершенно особым, который разворачивает себя в соответствии с тем, как мы его видим и чувствуем, как переживаем, а также в соответствии с тем, что мы знаем еще о предметах, которые отражаются в этих образах. В рамках данной статьи было показано, что визуальное повествование, представленное в иллюстрациях к книге Надежды Ладыгиной-Котс «Дитя шимпанзе и дитя человека», можно рассматривать как еще один тип повествования о научной работе, но также и о частной жизни ученого-женщины,

которая превратила ее в поле научного эксперимента. Образы шимпанзе, участвующих в экспериментах ученых лаборатории академика Павлова, представленные в фото и киноматериалах середины 1930-х годов, можно воспринимать как фрагмент визуального повествования о советской науке и советском образе жизни. Фото и видеоматериалы о работе Джейн Гудолл в африканском лесу, производство которых поставил на поток «National Geographic», бесспорно, представляют собой повествование о потаенной мечте западной цивилизации о том, как вернуться в первобытный рай, который давно утрачен. Киноэпопея «Планета обезьян», созданная кинокомпанией «Двадцатый век Фокс», – не что иное, как опыт визуализации застарелых страхов американского общества, озабоченного расовыми конфликтами и неясностью своего будущего. С такими выводами сложно не согласиться, и основания для этого дает сам видеоматериал. Визуальные истории – это всегда истории о чем-то еще, о том, что еще можно увидеть по прошествии времени.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Буль 2017 – Буль П. Планета обезьян. М.: Эксмо, 2017. 320 с.
- Вацуру 1948 – Вацуру Э. Г. Исследование высшей нервной деятельности антропоида (шимпанзе) / Под ред. академика Л. А. Орбели. М.: Изд-во АМН СССР, 1948. 335 с.
- Войтонис 1949 – Войтонис Н. Ю. Предыстория интеллекта (К проблеме антропогенеза). Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1949. 272 с.
- Гудолл 2020 – Джейн Гудолл: надежда // National Geographic TV. 2020. URL: <https://www.natgeotv.com/ru/shows/natgeo/jane-goodall-the-hope> (дата обращения: 01.10.2020).
- Знаменитые опыты 2015 – Знаменитые опыты с шимпанзе Рафаэлем в Колтушах [фрагмент фильма «Роза и Рафаэль» 1935 года]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PxcRy8yOYWA> (дата обращения: 01.10.2020).
- Кёлер 1930 – Кёлер В. Исследование интеллекта человекоподобных обезьян. М.: Изд-во. Комакадемии, 1930. 216 с.
- Клин 2019 – Клин Б. Спасти Рафаэля: как из Ленинграда эвакуировали лабораторных шимпанзе // Известия. 25 января 2019. URL: <https://iz.ru/836245/boris-klin/spasti-rafaelia-kak-iz-lenin-grad-a-evakuirovali-laboratornykh-shimpanze> (дата обращения: 01.10.2020).

- Кременцов 2003 – *Кременцов Н. Л.* Советская наука и холодная война // Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки / Под ред. Э. И. Колчинского. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. С. 830–907.
- Ладыгина-Котс 1923 – *Ладыгина-Котс Н. Н.* Исследование познавательных способностей шимпанзе. М.: Госиздат, 1923. 504 с.
- Ладыгина-Котс 1935 – *Ладыгина-Котс Н. Н.* Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях. М.: Издание Государственного Дарвиновского музея, 1935. 798 с.
- Ладыгина-Котс 1958 – *Ладыгина-Котс Н. Н.* Развитие психики в процессе эволюции организмов. М.: Советская наука, 1958. 240 с.
- Ладыгина-Котс 1959 – *Ладыгина-Котс Н. Н.* Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 399 с.
- Огонек 1935 – Огонек. 5 сентября 1935. № 25 (535).
- Павловские среды 1949 – Павловские среды. Протоколы и стенограммы физиологических бесед. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 2.
- Рогинский 1948 – *Рогинский Г. З.* Навыки и зачатки интеллектуальных действий у антропоидов (шимпанзе). Ленинград: Изд-во Ленинградского государственного университета, 1948. 203 с.
- Утехин 2004 – *Утехин И. В.* Очерки советского коммунального быта. М.: ОГИ, 2004. 280 с.
- Gerber 2017 – *Gerber T.* How Jane Goodall changed what we know about chimps // National Geographic. 2017. October. URL: <https://www.nationalgeographic.com/magazine/2017/10/becoming-jane-goodall/> (дата обращения: 01.10.2020).
- Goodall, Van Lawick 1963 – *Goodall J., Van Lawick H.* My life among wild chimpanzees // National Geographic. 1963. August. Vol. 124. No. 2. P. 272–308.
- Green 1996 – *Green E.* Planet of the apes as American myth: race, politics, and popular culture. Middletown, Connecticut: Wesleyan university press, 1996. 286 p.
- Greshko 2017 – *Greshko M.* 50 years on, chimps studied by Jane Goodall still reveal discoveries // National Geographic. 2017. October 24. URL: <https://www.nationalgeographic.com/news/2017/10/chimpanzees-jane-goodall-gombe-tanzania/> (дата обращения: 01.10.2020).
- Haraway 1990 – *Haraway D. J.* Primate visions: gender, race, and nature in the world of Modern science. New York: Routledge, 1990. 496 p.

- Jane Goodall 2010 – Jane Goodall: a history. URL: <https://video.nationalgeographic.com/video/00000144-0a34-d3cb-a96c-7b3d061b0000> (дата обращения: 01.10.2020).
- Jane Goodall 2017 – Jane Goodall and her life in the wild // Science Friday. 2017. October 13. URL: <https://www.sciencefriday.com/segments/jane-goodall-and-her-life-in-the-field/> (дата обращения: 01.10.2020).
- Karbo 2019 – *Karbo K.* Jane Goodall, how a woman redefined mankind // National Geographic. 2019. January 18. URL: <https://www.nationalgeographic.com/culture/2019/01/jane-goodall-book-excerpt-praise-difficult-women/> (дата обращения: 01.10.2020).
- Nichols 1995 – *Nichols M.* Jane Goodall // National Geographic 1995. December. Vol. 188. No. 6. P. 105–131.
- Van Lawick-Goodall, Van Lawick 1965 – *Van Lawick-Goodall J., Van Lawick H.* New discoveries among Africa's chimpanzees // National Geographic 1965. December. Vol. 128. No. 6. P. 802–831.

Материал поступил в редакцию 01.10.2020